

Борис Пильняк

Снега

ФТМ

Борис Пильняк

Снега

«ФТМ»

1919

Пильняк Б. А.

Снега / Б. А. Пильняк — «ФТМ», 1919

ISBN 978-5-4467-1215-1

«С вечера в хрусткой тишине были слышны ямщичы колокольцы; должно быть, проехали со станции. Колокольцы прозвонили около усадьбы, спустились в овраг, потом бойко – от рыси – задребезжали на деревне и стихли за выгоном. В усадьбе их слышали...»

ISBN 978-5-4467-1215-1

© Пильняк Б. А., 1919

© ФТМ, 1919

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Борис Пильняк

Снега

I

С вечера в хрусткой тишине были слышны ямщицьи колокольцы; должно быть, проехали со станции. Колокольцы прозвонили около усадьбы, спустились в овраг, потом бойко – от рыси – задребезжали на деревне и стихли за выгоном. В усадьбе их слышали.

Полунин сидел в кабинете с Архиповым за шахматным столиком. Вера Львовна была у ребенка, говорила с Аленой, затем ходила в читальню-гостиную, рылась в книгах. Кабинет был большим, на письменном столе горели свечи, валялись книги, над широким кожаным диваном висело, поблескивая тускло, старинное оружие. В окна без гардин заглядывала лунная безмолвная ночь. В окно проходил телефонный провод, рядом стоял столб, и провода гудели в комнате, где-то в углу у потолка, однотонно, чуть слышно, точно вьюга, – гудели всегда. Сидели молча, – Полунин, – широкоплечий, с широкой бородой, Архипов, – сухой, четкий, с голым черепом.

Пришла Алена, принесла молоко, простоквашу и творог.

– Милости прошу поужинать, чем бог послал, – сказала застенчиво, поклонилась, сложила руки под грудями, молодая, скромная, в белом платочке, с тихими глазами. Сели к столу, ужинали молча, рассеянно. Алена присела было, но скоро ушла – заплакал ребенок, с нею ушла и Вера Львовна. Самовар шумел чуть слышно, вил тонкую вереву, в унисон с проводами. Мужчины взяли с собой чай, вернулись опять к шахматам. Вернулась Вера Львовна, села на диван рядом с мужем, сидела неподвижно, напоминали глаза ее глаза некой ночной птицы – были неподвижны, сосредоточены.

– Посмотрели, Вера Львовна, Гойю?

– Просматривала историю искусств, потом сидела с Наташей.

– Удивительнейшая чертовщина! А вы знаете, есть еще живописец – Бохс. У того еще больше чертовщины. Его искушения св. Антония.

Заговорили о Гойе, о Бохсе, о св. Антонии, говорил Полунин, незаметно перевел разговор на Франциска Ассизского, – читал сейчас творения Франциска, увлекался им, – его аскетическим приятием мира, – потом разговор иссяк.

Ушли Архиповы поздно, Полунин ходил провожать. Орион подошел к полуночному своему месту, мороз в безмерной тишине жестко колот, под ногами скрипел снег.

Возвращаясь, смотрел в пустынное небо, искал любимое свое созвездие Кассиопею, следил за Полярной. Затем задавал на ночь корм лошадям, поил их, угощал специальным посвистом; в конюшне было тепло, пахло конским потом, тускло горел на стене фонарь, лошади выдыхали парные серые облака, жеребец Поддубный косил большим наивным глазом, точно неумело следил. Запер конюшню, постоял на дворе на снегу, осмотрел запоры.

Алена в кабинете на диване постлала постель, сидела около в кресле, кормила грудью ребенка, склонив к нему голову, напевала тихо, без слов. Полунин сел рядом, говорил о хозяйстве, принял с рук Алены ребенка, качал его. В окна шли зеленые пласты лунного света. Полунин думал о Франциске Ассизском, об Архиповых, потерявших веру и все же ищущих закона, об Алене, о хозяйстве. В доме была тишина. Уснул быстро, спал бодро, крепким сном, к которому привык давно, после бессонных прежних ночей.

Над безмолвными полями проходила луна, – не спала, верно, этой ночью Ксения Ипполитовна Енишерлова.

II

День пришел белый, прозрачный, холодный, – тот, в которые дышится паром, и на деревья, дома, изгороди садится иней. На деревне дым из труб пошел прямо, сизый. За окнами был опустевший сад, лежала деревушка, придавленная снегом к земле, дальше шли белые поля, овраг, лес. Небо было бело, воздух – бел, солнце не выходило из белых же облаков.

Заходила Алена, говорила о хозяйстве, ушла палить к Рождеству свинью.

В читальной часы проббили одиннадцать, им ответили часы из зала, и сейчас же за ними прозвонил телефон; в пустынной тишине его звон прозвучал необычно и резко; в телефоне глухо, издали зазвучал женский голос.

– Это вы, Дмитрий Владимирович? Дмитрий Владимирович, вы ли это?

– Да. Но кто говорит?

– Говорит Ксения Ипполитовна Енишерлова, – ответил голос покойно и зазвучал взволнованно – Это вы, мой аскет и искатель? Это я, это я, – Ксения...

– Ксения Ипполитовна, – вы? – Полунин спросил радостно.

– Да-да... О, да-а!.. Я устала метаться и быть на кончике острия, и я приехала к вам в поля, мой аскет, где снег, снег, снег и небо... к вам, искатель... Примете ли вы меня? Вы простили мне тот июль?

Полунин стоял около телефона сгорбившись, лицо его было серьезно и внимательно.

– Да, я простил.

Одно лето, давно уже, часто Полунин и Ксения Ипполитовна встречали вместе июньские всходы, и по зарям, в матовой росе на террасе, когда горько пахло березами и меркнул хрустальный серп на западе, прощаясь до завтра, Полунин целовал свято наивные, думалось ему, Ксении Ипполитовны, в горьком березовом соке, чистые губы, и поцелуй эти были наивны и чисты. Но Ксения Ипполитовна потом смеялась над ними и покойно пила изнемогающую, протестующую страсть Полунина порочными своими губами, чтобы покинуть его потом, сменять на Париж и оставить после себя лоскутья любви чистой и страстной.

Были те июнь и июль, были с тем, чтобы принести радость и горе, добро и зло. Алену встретил Полунин уже уставшим, уже нашедшим свое. Жил один, с книгами. Алену встретил весной, сошелся быстро, просто, зачав ребенка, – нашед в себе уже не страстные инстинкты, но инстинкт отцовства. Алена в дом пришла без венчания, тоже уже после весенней любви, пришла вечером, поставила в кухне на скамью свой сундучок, прошла в кабинет, сказала тихо:

– Вот я. Пришла, – и платком утерла уголки губ, красивых еще очень и скромных.

Ксения Ипполитовна приехала к заплотням, когда день уже меркнул и над снегами пошли синие полосы. Небо потемнело, налилось синей мутью, кричали под окнами на снегу снегири. Ксения Ипполитовна подъехала к парадному, позвонила, хотя Полунин ей отпирал уже. Прихожая была большая, светлая, холодная. Когда входила Ксения Ипполитовна, на минуту упали на окна солнечные лучи, свет в прихожей стал теплым и восковым, – лицо Ксении Ипполитовны показалось Полунину в нем зелено-желтым, как кожица персика, – безмерно красивым. Но лучи погасли, свет стал синим, сумеречным, – Ксения Ипполитовна померкла, стала уставшей, постаревшей.

Алена поклонилась, Ксения Ипполитовна на момент приостановилась, верно, раздумывая: – подать ли руку? – подошла быстро, обняла Алену, поцеловала.

– Здравствуйте, я ведь старый друг вашего мужа. Руки для поцелуя Полунину не дала.

С тех пор, с того давнего лета Ксения Ипполитовна изменилась очень. Так же прекрасны были глаза, так же тонки и красивы были своевольные губы, прямой нос, изломанные брови, – появилось нечто, что напоминало поздний август. Носила раньше она светлые

костюмы, – была одета сейчас в черное платье, рыжие свои нежные волосы заложила простым жгутом.

Прошли в кабинет, сели на диван. Свет стал синий, за окнами лежал синий снег. Мебель и стены в сумерках посерели. Полунин был очень серьезен и внимателен, заботливо стал около Ксении Ипполитовны. Алена ушла; уходя, смотрела на мужа долго и пристально.

– Я сюда прямо из Парижа. Это очень странно. Собиралась уезжать к весне в Ниццу, складывала вещи и нашла у себя в гардеробе гнездо мыши; мать убежала и осталось три детеныша, – они были без шерсти и едва ползали. Я все дни проводила с ними, но на третий день умер первый, затем ночью оба остальные... И наутро я стала собираться в Россию, сюда, к вам, где снег, снег... Вы знаете, в Париже нет снега, а у нас скоро Рождество, русское Рождество. Ксения Ипполитовна замолчала, скрестила пальцы, поднесла руки к щеке; были пальцы ее тонки и длинны, с полированными ногтями; мелькнуло в лице сиротливое и грустное.

– Говорите, Ксения Ипполитовна.

– Я ехала нашими полями и думала о том, что жизнь здесь скучна и проста, как эти поля, но что жить здесь можно не только от вещей. Знаете, – жить от вещей. Меня зовут – я еду, меня любят – я позволяю любить, в витрине бросилась в глаза вещь – я покупаю. Если бы не было тех, кому не лень меня двигать, – я бы не двигалась... Я ехала нашими полями и думала о том, что так нельзя. И еще я думала о том, что приеду к вам и расскажу о мышах... Париж, Ницца, Монако, платье, английские духи, вино, де-Виньи, неоклассицизм, любовники... У вас все по-старому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.